

УДК 81.27

Пугина Е.Ю., Смыслов С.П., Холстинина Т.В.*(г. Москва)*НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЯЗЫКА
КАК ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с межъязыковой передачей единиц, обладающих региональной культурной спецификой. Отмечается, что их можно рассматривать как особую разновидность лексики, для которой характерен своего рода пограничный характер между «своими» и «чужими» реалиями. При этом приходится учитывать, что статус идиома, для которого характерно их использование, далеко не всегда может быть определен однозначно, что должно приниматься во внимание при осуществлении межъязыковой/межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: вариант, национальный, территориальный, этнический, реалия, межкультурный, коммуникация.

E. Pugina, S. Smyslov, T. Kholstinina*(Moscow)*NATIONAL-TERRITORIAL VARIATION OF THE LANGUAGE AS A
PROMBLEM OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The article deals with the problems connected with interlingual translation of words having cultural regional peculiarities. It is marked that they can be considered as a special layer of words for which the so-called border between native and alien realities is typical. At the same time it is necessary to take into account that the idiom status, for which their usage is typical, can't always easily be determined unambiguously. Therefore it should be taken into consideration within interlingual/ cross-cultural communication.

Key words: variant, national, territorial, ethnical, reality, cross-cultural, communication.

Проблематика, связанная с воссозданием «национального колорита» исходного текста при переводе (в первую очередь, естественно, речь идёт о переводе художественном), принадлежит к числу своего рода «вечных тем» межъязыковой передачи. В той или иной мере её касались, вероятно, практически все авторы, затрагивавшие переводческую и переводоведческую проблематику, хотя подходы к ней и предлагавшиеся пути её разрешения могли различаться весьма существенным образом.

Со второй половины прошлого столетия центральным пунктом названного вопроса, несомненно, может считаться вопрос о репрезентации на языке перевода имеющих в исходном тексте реалий. Заметим, что упомянутый термин, несмотря на свой иноязычный облик, используется преимущественно в отечественной и шире – русскоязычной научной литературе и в этом смысле тоже обладает определенной «национально-культурной» спецификой (ср. в какой-то степени аналогичную историю со словом «интеллигенция»).

Указанному понятию за последние десятилетия была посвящена весьма обширная научная и популярная литература (в первую очередь, здесь, разумеется, приходится вспомнить о классической работе С. Влахова и С. Флорина [4], уже три десятка лет сохраняющей своё значение и фактически являющейся исходным пунктом для любого труда в данной области). Поэтому, не останавливаясь в предлагаемой статье на определении и различных классификациях реалий, ограничимся только одним аспектом – языковыми единицами, функционирование которых связано с существованием так называемых национально-территориальных вариантов языка.

Здесь целесообразно сделать одну оговорку. Само последнее понятие является в современной лингвистике достаточно дискуссионным, что вполне понятно, учитывая его значимость не только и не столько для чистой науки о языке, сколько для различных моментов социально-политического порядка [2; 11]. Поэтому считаем необходимым оговориться, что термином «национально-территориальный» мы пользуемся применительно к тем разновидностям языка, функционирующим за пределами своей «исконной» территории, специфические черты которых кодифицированы как «нормативные» и тем самым противопоставлены соответствующим нормам на других территориях, где представлен данный язык. Так обстоит дело, например, с британским и американским вариантами английского языка, являющихся коммуникативными средствами двух различных (и осознающих свое различие) народов. Там же, где отмеченного явления не наблюдается (например, русское население в государствах СНГ), целесообразнее пользоваться понятием «этно-территориальный вариант языка», опираясь, в частности, на определение этнической группы: «Часть этноса, территориально отъединившаяся в результате миграции, но сохранившая этническое самосознание, язык, особенности культуры и быта...» [10, с. 245–246]. С другой стороны при анализе интересующей нас проблемы, помимо социолингвистического, приходится учитывать и лингвокультурный аспект. В монографии Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой подчёркивается, в частности, необходимость различать монокультурные и поликультурные языки, причем первые трактуются как обслуживающие «только одну национальную

(в широком смысле слова) культуру», а вторые – «несколько культур либо в качестве основного..., либо в качестве дополнительного средства коммуникации» [1, с. 7].

Соглашаясь с приведенной формулировкой в принципе, мы бы хотели тем не менее обратить внимание на то обстоятельство, что разграничение «основного» и «дополнительного» средств далеко не всегда очевидно в каждом конкретном случае. Так, например, обстоит дело, когда речь идет о многих писателях африканского континента. Языком литературного творчества для них, как правило, является европейский язык бывшей метрополии, но можно ли считать его «основным средством коммуникации» для тех народов, к которым они принадлежат, вопрос, на наш взгляд, достаточно спорный.

Рассматриваемая проблема, на наш взгляд, имеет ещё один аспект, уже непосредственно затрагивающий вопросы межъязыковой коммуникации/перевода. Речь идет – используя принятую в переводоведении терминологию – о разграничении «своих» и «чужих» реалий. В упомянутой книге С. Влахова и С. Флорина оно формулируется следующим образом: «*Свои реалии* – это большей частью исконные слова данного языка. Таковы в рус. *самовар, боярин...* *Чужие реалии* – это либо заимствования, т. е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка, либо кальки, т. е. поморфемные или пословные переводы наименований чужих для данного народа объектов, либо транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы и неологизмы. Примером чужих реалий могут быть рум. *брынза* в русском языке, амер. *бизнес* – в русском и болгарском...» [4, с. 65–66].

Приведённое утверждение, на наш взгляд, в настоящее время требует некоторых уточнений. Не говоря уже о том, что квалификация лексемы *бизнес* как «наименования чужого для данного народа объекта» применительно к современному русскому и болгарскому языкам явно устарела, при отнесении той или иной реалии к «своим» или «чужим», вероятно, придется принимать во внимание ту самую национально-/этно-территориальную дифференциацию языка, о которой шла речь выше. Иными словами – для определенных коллективов, пользующихся данной разновидностью языка, «чужие» с точки зрения диахронической (т. е. не являющиеся исконными в этимологическом отношении) единицы в культурном отношении могут восприниматься как вполне «свои» в том отношении, что они обозначают предметы, объекты, явления и т. п., которые являются неотъемлемой частью жизни и быта членов указанных коллективов, – хотя с другими носителями данного языка (понимаемого как инвариант всех реализуемых его вариантов) дело может обстоять иначе.

Так, для обитателей Соединённых Штатов Америки наименования представленных на американском континенте разновидностей флоры и фауны, отсутствовавших на исторической родине европейских поселенцев, были безусловно «чужими реалиями» на момент знакомства с ними, и их «включение» в лексику своего языка происходило в соответствии с приведёнными выше способами, о которых говорится в книге С. Влахова и С. Флорина: ‘The pioneers in America came a cross plants and animals in their new country that they had never seen before... As there were no English words to describe those things, the pioneers used the Indian names for them’ [13, p. 139]. Затронутая тема соприкасается, пожалуй, с одним из наиболее важных и сложных вопросов, далеко выходящих за собственно-лингвистические рамки: о степени культурного единства коллективов, пользующихся различными вариантами того или иного языка.

С одной стороны, в специальной литературе неоднократно подчёркивалось, что «язык и культура неразрывно связаны. Культура, как и язык, объединяет людей, и наряду с культурой Великобритании, США, Канады, Австралии можно говорить об общей культуре англоязычных стран» [3, с. 3]. С другой стороны, касаясь в своё время данного вопроса, Э. Сепир констатировал: «Общность языка не может до бесконечности обеспечивать общность культуры, если географические, политические и экономические детерминанты культуры перестают быть одинаковыми» [9, с. 191] (не говоря уже о том, что сама эта «общность языка», как отмечалось выше, оказывается относительной).

Наглядной иллюстрацией процитированного утверждения может служить следующий пример из области, на первый взгляд, весьма далёкой от лингвистики. Когда в годы Второй мировой войны британская разведка готовила агентов для засылки на территорию оккупированной Франции, её представителям пришлось столкнуться со следующей проблемой: «Большинство франкоговорящих канадцев оказались непригодными к работе, потому что никогда не бывали во Франции и не имели ни малейшего представления о жизни в этой стране, традициях и обычаях населения» [6, с. 83]. О том, какие ляпсусы случались с переводчиками, знающими один вариант данного языка и работающими с текстами, созданными на другом варианте, достаточно хорошо известно. Один из хрестоматийных примеров – реалия *publicschool*, обозначающая в странах англоязычного мира принципиально различные типы учебных заведений.

Однако даже если оставить в стороне подобные недоразумения, вызванные субъективными причинами (в первую очередь, недостаточными фоновыми знаниями переводчиков, которые квалифицируют как «игнорирование языковой и культурной составляющей текстов» [8, с. 44]), нельзя

не признать и наличие причин объективных, важнейшей частью которых будет как раз национально-территориальная (этно-территориальная) дифференциация языкового инварианта. Причём нередко она осознаётся как своего рода показатель культурной идентичности – в противопоставлении другим вариантам, прежде всего тому, который представлен на территории бывшей метрополии.

Характерным в этом плане представляется относящееся ещё к 60-м гг. прошлого столетия утверждение одного индийского писателя об английском языке: «Мы не в состоянии писать на нём как англичане. Мало того, мы не должны так писать. Но мы не можем писать на нём и как индусы... Способом нашего самовыражения должен быть диалект, который в будущем может стать столь же своеобразным и выразительным, как ирландский или американский варианты английского языка» [5, с. 225]. (Мы сейчас не останавливаемся на вопросе о том, что термин «диалект» в данном случае – в соответствии с англоязычной научной традицией – применён несколько в ином значении, чем это принято в отечественной лингвистике).

Однако здесь возникает ещё один, достаточно существенный, вопрос. Поскольку Индия весьма разнообразна в этноязыковом отношении, «своеобразность» и «выразительность» англоязычных художественных текстов индийских авторов оказывается неразрывно связанной с отражением не только и даже иногда не столько, условно говоря, «общеиндийских», сколько местных этнокультурных черт и особенностей. А это ставит вопрос о возможности его сохранения и воспроизведения при межъязыковой передаче – задача, однозначное разрешение которой зачастую оказывается если не невозможным, то весьма затруднительным.

Наглядной иллюстрацией к сказанному может служить пример с передачей на русский язык произведений Р.К. Нарайяна, которого порой называли «индийским Фолкнером». Думается, такое прозвище писатель получил не случайно – творчество индийского автора, как и Фолкнера, проникнуто именно локальным колоритом, причём проявляется указанная особенность, в первую очередь, в насыщении многих принадлежащих ему страниц тамильской лексикой. Характерно замечание одного из исследователей: 'Narayan prefers to use... Tamil coinages to denote the Indianism of English language. Even in his mature works Narayan had used the Tamil terms reverentially as if they are common to English readers... Narayan's language is a brilliant specimen to represent the life, culture and psychology of state where English is a foreign language' [12, p. 41–42].

Если обратиться к выполненному Н. Демуровой русскому переводу одного из наиболее известных романов писателя – 'The Guide' [14] (русское название – «Святой Раджу» [7]), то можно констатировать, что упомяну-

тый выше «общеиндийский» колорит представлен в названном произведении достаточно полно (при необходимости – как это принято при передаче реалий – с соответствующими пояснениями). Действительно, фигурирующие в русском тексте *сары*, *дхоти*, «*бхаратнатвам*», «*Махабхарата*», «*Рамаяна*» и др. безошибочно вызовут у широкого читателя ассоциации с индийской культурой. Однако *ryolschool* стала в русском переводе «галерейной школой», а *jutka* – «одноконной повозкой», хотя, как неоднократно отмечалось многими авторами, названные лексемы имеют отчётливо выраженный южноиндийский характер и относятся к числу наиболее частотных в языке Р.К. Нарайяна. (Причём, не лишено интереса, что само слово *ryol*, при всём своём подчёркнуто «локальном» характере, имеет европейское, а именно португальское, происхождение.) Однако думается, что подобная «дереализация» в данном случае не лишена оснований: если «с Индией в целом» отечественная аудитория относительно знакома, то чтобы отличить тамильский колорит, например, от бенгальского требуется уже иной уровень знания, вряд ли имеющийся у «рядового» русского читателя.

Всё сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что при рассмотрении проблематики, связанной с воспроизведением в переводном тексте национально-этно-культурной специфики художественного произведения, необходимо учитывать не только собственно лингвистический и лингвокультурный аспекты, но и моменты социолингвистического характера, которые также могут играть определённую роль при выборе той или иной стратегии репрезентации на переводном языке соответствующих элементов подлинника, в первую очередь, содержащихся в нём реалий различного характера.

Литература

1. Валуицева И.И., Хухуни Г.Т. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 172 с.
2. Валуицева И.И., Хухуни Г.Т. Национально-территориальный или этно-территориальный (к вопросу о принципах выделения) // Жизнь языка в культуре и социуме – 3. Материалы конференции. Москва, 20–21 апреля 2012 г. М.: Институт языкознания РАН; Российский университет дружбы народов, 2012. С. 230–233.
3. Великобритания. Лингвострановедческий словарь / Сост. Г.Д. Томахин. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО Издательство АСТРЕЛЬ», 2001. 336 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
5. Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Издательство «Весь Мир», 2001. 240 с.
6. Кукридж Э. Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 494 с.

7. *Нарайян Р.К.* Святой Раджу / Пер. Н. Демуровой. М.: Госполитиздат, 1961. 232 с.
8. *Прошина З.Г.* Переводческий анализ в свете экопереводоведения // Художественный перевод: наука и искусство. Научный альманах Выпуск 10. К 75-летию доктора филологических наук, профессора Р.Р. Чайковского. Магадан: «Кордис», 2014. С. 39–45.
9. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
10. Словарь социолнгвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН; Институт иностранных языков, 2006. 312 с.
11. *Теркулов В.И.* Язык этноса: о принципах определения // Филологические науки (научные доклады высшей школы). 2014. № 4 (июль). С. 3–13.
12. *Ejaz A.* The Language of R.K. Narayan. A Discourse Analysis // Indian fiction in English. Roots and Blossoms, 2007. 280 p.
13. *Mezenin S.M.* Life of Language (A History of English). Moscow: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 1997. 150 с.
14. *Narayan R.K.* The Guide. London: Indian Thought Publications: Mysore&Methuen Co Ltd, 1958. 221 p.